

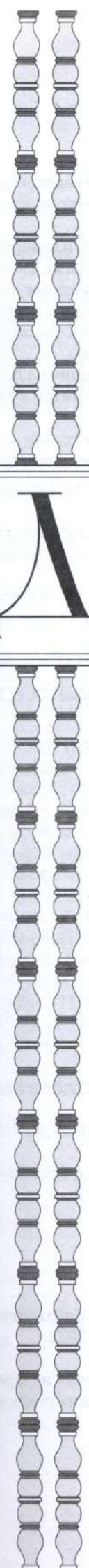

ДОНСКОЙ ВРЕМЕННОК

Выпуск 31

<http://www.donvrem.dspl.ru>

Министерство культуры Ростовской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Донская государственная публичная библиотека»

Д

ОНСКОЙ Временник

В

Краеведческий альманах
Выпуск тридцать первый

Ростов-на-Дону
2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЕЛЕНИЯ

МАТЕРНОВСКИЙ Д. С. Водяная балка. Глафировка. Николаевка. Из истории заселения Восточного Приазовья (1784–1861)	5
---	---

НАШИ КРАЕВЕДЫ

Вспоминая Карпа Пашины́яна: Полевода И. С. В фокусе памяти. – Штавдакер Л. А. «Неправда, друг не умирает...»	21
КОВЫНЕВА С. А. Историк и краевед Зернограда (В. И. Зайгинер)	35
Виктор Храмов. Штрихи к портрету: Петров В. С. Привет Эмилю из Ростова! – Высоцкая Е. П. Он горел любимым делом. – Зенюк Д. И. Редкое имя, редкая личность... ..	42

МУЗЕИ

ФЕДОТОВА Т. А. За честь и верность профессии! (А. А. Горбенко)	46
ГОЛОВКИНА Г. И. Он ведал искусством (В. В. Рязанов)	54

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ В ЛИЦАХ

ШТАВДАКЕР Л. А. Книжные истории, или Полвека в библиотеке	57
---	----

ГЕНЕАЛОГИЯ

ВЫСОЦКАЯ Е. П. Семья Сабо	84
---------------------------------	----

ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИ

АГЕЕВА В. А. «Донской краевед» в Таганроге	109
ЗАЙЦЕВА А. С., НАЛИВАЙЧЕНКО И. В. Краеведение на Дону: история и современность	114

ВОСЬМЬЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Ростов-на-Дону – Таганрог, 29 – 30 сентября 2022 г.)

ТОКАРЕНКО С. Ф. Древние святилища близ Мелиховской и Семикаракорска	120
БАНДУРИН Н. С. Во имя Рождества Пресвятой Богородицы. (Из истории церкви в Верхне-Лютовке Миллеровского района)	126
ХАЛДАЕВ Е. В. Цепочка добра к часовне памяти	133
МОРОЗОВА О. М. Злоключения немецких концессионеров в Советской России	155
РУДЬ М. А., ЗАЙЦЕВ Д. Н. Шахтинская опытная станция «Подземгаз»	165
ВАЛУЙСКОВА О. В. Документальное кино на Дону. 1920–1940-е гг.	170
ТАРАСОВА М. Н. От Ростова-на-Дону до Байройта (Н. Е. Парамонов и его семья в эмиграции)	175
ЗАЙЦЕВА А. С. Степанковские в истории Александровска-Грушевского	191
ВОЛОШИНОВА Л. Ф. Ростовский зодчий Пётр Любимов	197
ЧИБИСОВА С. П. Художник Алексей Шишов	203
ШОЛОХОВА Т. А. Эх, друже, Георгиопуло! (А. П. Бибик и Г. Ф. Шолохов-Синявский в письмах 1920–1960-х гг.)	211

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	227
------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	230
-------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	231
------------------------------	-----

М. Н. ТАРАСОВА

ОТ РОСТОВА-НА-ДОНУ ДО БАЙРОЙТА

(Н. Е. Парамонов и его семья в эмиграции)

Посвящается светлой памяти коллеги и наставника
Светланы Владимировны Кошеверовой

25 марта 2022 года в отдел редких изданий Зональной научной библиотеки Южного федерального университета пришла небольшая бандероль из Германии. В сопроводительном письме говорилось: «Дорогая госпожа Тарасова! Наконец-то в печати появился мой небольшой очерк о Николае Е. Парамонове. Он занимал меня, с перерывами, более двадцати лет. Сейчас я уже почти восемь лет на пенсии, но работа над эссе о Парамонове напоминала мне о тех прекрасных днях, которые я проводил в своей библиотеке. Желаю Вам и Вашим коллегам всего наилучшего и шлю самые тёплые пожелания. Ваш Райнер-Мария Киль из Байройта. 10.02.2022».

Небольшая брошюра в 50 страниц под авторским заголовком «Von Rostow nach Bayreuth: der Verleger und Unternehmer Nikolaj E. Paramonov (1876 – 1951) und seine Familie» – это отдельный выпуск из архива истории (В. 101), изданный исторической ассоциацией Верхней Франконии (земли Баварии) [1]. С момента своего основания в 1827 году ассоциация поставила своей

целью научное исследование истории Верхней Франконии и вот уже почти 200 лет привлекает исследователей к просвещению широких масс населения для познания ими собственных земель и сохранению культурных традиций.

Автор очерка Райнер-Мария Киль представляет свою профессиональную деятельность так: «С 1979 по 2014 гг. работал академическим библиотекарем в библиотеке Байройтского университета, где отвечал, в частности, за раздел языка и литературы. Это включало в себя максимально возможный учёт запросов факультета лингвистики и литературы и поддержание постоянного контакта с их представителями по предметным курсам. В 1980-х годах факультет серьёзно занимался введением славистики как предмета в университете Байройта. Только в 1985 г. университетская библиотека приобрела значительный фонд (около 70 полочных метров) литературы на русском, польском и чешском языках из антикварных магазинов. В последующие годы книги были учтены и каталогизированы, однако с середины 90-х годов они ведут “теневое” существование в фондах библиотеки. Спустя всего несколько лет после того, как университетская библиотека сформировала коллекцию как основу для нового предмета славистики, факультет изменил свою ориентацию и полностью отказался от прежних планов» [1, с. 155].

Среди книг, приобретённых в тот период были два одинаковых экземпляра одного издания повести известного русского писателя А. И. Куприна «Гранатовый браслет», на передних обложках которых значилось место издания – Байройт, а на титульном листе типография – Printed by Lorenz Ellwanger, Bayreuth. «Тот факт, что давно известная байройтская типография Ellwanger сразу после войны смогла напечатать русские тексты кириллицей, вероятно, был неизвестен даже байройтским знатокам книги и мог считаться небольшой сенсацией», – замечает Р.-М. Киль [1, с. 156]. Типография была основана в 1884 году Лоренцем

Марина Николаевна Тарасова, главный библиограф Зональной научной библиотеки Южного федерального университета. Сообщение на Чтениях (Ростов-на-Дону, 29 сентября 2022 г.) под названием: «Н. Е. Парамонов и его семья в эмиграции. Исследование Р.-М. Киль (г. Байройт, Германия)»

Элвангером. На рубеже XX и XXI столетий ею управлял Вольфганг Элвангер (издатель в четвёртом поколении), пока 31 марта 2014 года компания Ellwanger Druck und Verlag GmbH не прекратила свою деятельность.

В начале 2000 года Р.-М. Киль напрямую обратился к владельцу и управляющему типографией Вольфгангу Элвангеру с просьбой «пролить свет» в истории с изданием книг на кириллице в послевоенные годы. Однако выяснилось, что не осталось никаких документов об этих изданиях, в архиве компании не было найдено ни одного упоминания о кириллическом типографском шрифте, не говоря уже о сигнальных экземплярах книг. Университетская библиотека Байройта передала Вольфгангу Элвангеру один из двух экземпляров «Гранатового браслета» А. И. Куприна для архива компании. В тот период с именем издателя Н. Е. Парамонова эти книги никто не связывал.

Так случилось, что посещая на городском кладбище Байройта могилы своих родственников Р.-М. Киль обратил внимание на три захоронения, где за период с 1946 по 1976 гг. были упокоены пять человек из далёкой России. На сегодняшний день существует только одна из этих трёх могил. На камне из полированного чёрного мрамора три строки: «NICOLAI ELPIDIFOROWITSCH || PARAMONOFF || 25.4.1876 – 21.6.1951». «Мало кто из посетителей городского кладбища знает о богатой событиями истории жизни этого русского эмигранта. В царские времена он был одной из самых значительных фигур в своем городе Ростове-на-Дону, да и во всей южной России», — пишет Р.-М. Киль [1, с. 151].

Спустя год после разысканий Р.-М. Киль, проведённых по собственному личному интересу, на имя директора библиотеки Байройтского университета пришло электронное письмо из Ростова-на-Дону. Доктор Карл Бабль получил письмо, в котором мы, сотрудники отдела редких изданий научной библиотеки РГУ (ныне ЮФУ), рассказали о своей работе над составлением каталога публикаций издательства «Донская речь» (1903 – 1907) в Ростове-на-Дону, и указали фамилию издателя — Николай Елпидифорович Парамонов. Мы сообщили немецким коллегам о том, что в период с 1946 по 1950 год он продолжил свою прежнюю издательскую деятельность и печатал книги на русском языке в издательстве Элвангера в Байройте.

Поскольку в тот период активно шла подготовка к переизданию «Каталога издательства "Донская речь" Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону» [2] с расширенным разделом его

издательской деятельности в эмиграции, мы попросили коллег из университетской библиотеки Байройта предоставить нам копии титульных листов и обложек книг, хранящихся в их фондах. Начался активный период обмена информацией, продолжавшийся несколько лет.

Вот как описывает то время Райнер-Мария Киль: «Если раньше я воспринимал могилу Парамонова и две соседние могилы на городском кладбище только как любопытство, то это удачное совпадение дало мне огромный стимул для дальнейшего изучения похороненных там людей. В то же время запрос из России позволил разгадать загадку, кто организовал издание «Гранатового браслета», напечатанного в типографии Элвангера. Директор библиотеки с удовольствием поручил мне ответить коллегам из России.

Райнер-Мария Киль. г. Байройт.
Фото предоставил Р.-М. Киль

В тот же день, когда пришло письмо, я отправил запрошенные копии в Ростов-на-Дону. <...> В сопроводительном письме сообщил о своей переписке с Вольфгангом Элвангером, которая состоялась совсем недавно. В то же время я попросил предоставить дополнительную биографическую информацию о Н. Парамонове, о котором в то время знал очень мало.

<...> Обратился в Байройте в Бюро регистрации жителей, городской архив и в администрацию кладбища, службу Евангелическо-лютеранской общецерковной администрации Байройта за возможными документами о Николае Е. Парамонове. Снова связался с типографией Ellwanger — к сожалению, безуспешно. <...> В телефонном разговоре секретарь Вольфганга Элвангера направила меня к г-же Вангер, которую она охарактеризовала как "живой инвентарь" компании. К сожалению, госпожа Вангер также смогла лишь подтвердить, что в архивах компании нет документов ни о кириллических оттисках послевоенного периода, ни о Н. Е. Парамонове. Информация от администрации кладбища оказалась более существенной. Бюро регистрации жителей, не имея собственных записей, передало мой запрос в городской архив, который удивил меня неожиданно обширным и уже тщательно подготовленным материалом. <...> Г-жа Кристина Бартоломеус (Штагтархив Байройта) предоставила мне копии выписок из следующих документов: 1. список имён (для бюро выдачи прогосвольственных карточек) всех иностранцев, проживающих в частных квартирах (без даты, вероятно, начало 1946 г.) [3]; 2. список всех лиц ООН и всех других иностранцев, немецких евреев и лиц без гражданства (кроме беженцев и т.д.), находящихся в городе [4]; 3. список всех браков граждан Организации Объединенных Наций, всех других иностранцев, немецких евреев и лиц без гражданства [5].

Почти 20 лет спустя г-жа Бартоломеус предоставила мне дополнительную информацию об отдельных людях этой большой семьи по продолжающимся запросам с моей стороны. Это позволило получить ценную информацию не только о самом Николае Е. Парамонове, но и о его семейном окружении. Я обобщил сообщения из вышеупомянутых учреждений в табличном обзоре, который составил в общей сложности одиннадцать человек из семьи Парамоновых. Коллеги из Ростова-на-Дону получили копию и, кроме того, фотографии могилы Парамонова, которые они просили. В ответ мне прислали копию библиографии 1999 года, в которой были перечислены все работы, опубликованные издательством Парамонова «Донская речь» в период с 1903 по 1907 год» [1, с. 157 — 158].

В начале 2007 года мы отослали несколько экземпляров второго издания нашего «Каталога...» [2], составленного не без помощи Р.-М. Кия, в библиотеку Байройтского университета, один из которых предназначался нашему соавтору. Он дал оценку нашей работе.

«В каталоге не только скупулёзно перечислены все издания, выпущенные и отредактированные Николаем Е. Парамоновым, но и подробно рассказано об истории издательства, насыщенной яркими событиями жизни издателя и его семьи. Мой очерк в значительной степени основан на исследованиях коллег из Ростова-на-Дону. К сожалению, их результаты доступны только на русском языке. В то время как я сам обладаю лишь скромными познаниями в русском языке. Моя давняя коллега по Байройтской библиотеке Хайке Охс свободно владеющая как разговорным, так и письменным русским языком, любезно перевела для меня важные фрагменты каталога на немецкий язык. Хотя каталог послужил важной основой для моего изложения событий, он ни в коем случае не является простым пересказом оригинального русского текста. Скорее, материал был реорганизован и, где это возможно, дополнен и расширен из других библиографических документальных источников» [1, с. 159].

О том, как представлена семья донских предпринимателей Парамоновых в немецком издании, видно из нижеследующего фрагмента эссе Р.-М. Кия [1, с. 159 — 161].

«Дед Николая — Трофим Иванович Парамонов (1805 — 1880) — был мелким торговцем в казачьей станице Нижне-Чирской. Отец Николая — Елпидифор Трофимович Парамонов (1840 — 1909) — родился в относительно скромных условиях, посещал только местную начальную школу и с раннего возраста помогал отцу в его мелком бизнесе. В 1860 г. принял купеческую присягу, в 1863-м вступил в Общество торговых казаков с объявленным капиталом в 2000 рублей. В 1865 г., женившись на землячке Раисе Мефодиевне, всерьёз занялся скупкой зерна у казаков по всей Области войска Донского и его продажей. В первые годы на новом поприще сам работал в амбарах на пересыпке, затем открыл ссыпки на 15 пристанях, в том числе и в Ростове, куда переезжает в 1881 г. Скопив на торговле зерном значительный капитал, он покупает за 150 тыс. рублей пароход и шесть деревянных барж, "чтобы возить своё зерно на своих пароходах", в том числе и заграничным заказчиком. Для снабжения флотилии углём и снижения себестоимости перевозок покупает несколько небольших шахт у вдовы И. С. Панченко в восточной части Донецкого угольного бассейна. К этому времени он становится владельцем и мукомольного производства, приобретя в 1890 г. у грека Маргалаки небольшую вальцовую мельницу. Муку продавал в города центральной России, в Москву, Прибалтику, Грузию и за границу. Качество муки было

отмечено золотой медалью на выставке в Париже. После успеха в Париже Е. Т. Парамонова стали называть "хлебным королём России", а Ростов-на-Дону — "амбаром империи"» [6].

В браке Елпидифора с Раисой Мефодиевной Александриной родилось четверо детей. «Любопытно, — пишет Р.-М. Киль, — что данные о жизни Раисы не отмечены в подробном каталоге» [1, с. 159]. Принимая во внимание это замечание немецкого коллеги, оговорим, что на момент подготовки материалов к изданию каталога, мы не ставили перед собой цель как можно подробнее раскрыть семейные линии рода Парамоновых. Это происходило само-собой, как сопутствующие находки. Жена Елпидифора Трофимовича Парамонова — Раиса, по всей видимости, была скромной, тихой и очень домашней. Старообрядческие корни семьи Парамоновых накладывали свой отпечаток на жизненный уклад и поведение женщины в семье. Родителями Раисы были — Нефёд (в других источниках — Мефодий) Фёдорович Александрин (родился ок. 1811 г.) и дочь хорунжего Екатерина Ивановна Киреева (1818 г. р.) [7]. Раиса родилась 4 июня 1850 года и была третьим ребёнком в семье. Проживала семья Александриных в ст-це Верхне-Чирской, имея родовое и «благоприобретённое» имущество — два дома, два сада, мельницу и шесть душ [8]. Отец Раисы, Нефёд Фёдорович, начал службу казаком с 1 января 1828 года, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. (награждён серебряной медалью) и Польской кампании 1831 года (получил польский знак отличия за военное достоинство); избирался атаманом станицы Верхне-Чирской (1843—1848). «По заслугам войскового старшины Александрина Мефодия Фёдоровича причислены к дворянству, определением от 9 января 1859 г. дети: Алексей, Фёдор, Анна, Раиса. Рапорт за № 67 от 29 января 1859 г. Указ за № 6352 от 7 июля 1859 г.» [9].

Так семья Александриных из ст-цы Верхне-Чирской, благодаря заслугам Нефёда Фёдоровича, с 1859 года была признана в дворянском достоинстве, и Елпидифор Трофимович Парамонов брал в жёны дворянку Раису Нефёдовну Александрину.

В семье Елпидифора и Раисы первенцем был сын Пётр (1870 г. р.), а затем последовали погодки — Агния (1875 г. р.), Николай (1876 г. р.) и Любовь (1877 г. р.).

«... Агния вышла замуж за Василия Михайловича Резанова и была похоронена в Байройте в 1956 году под именем «Агнесса Резанова». <...> Любовь вышла замуж за Семёна Ивановича Панченко. Этот брак, безусловно, имел деловое

прошлое. Панченко владели шахтами в бассейне Донца, которые у них купил Елпидифор» [1, с. 159].

Отдельные главы своего эссе Р.-М. Киль посвятил юности, студенческой непокорности и открытому конфликту с государственной властью Николая Парамонова, а также организации издательства «Донская речь» и шахтного производства. События, хорошо известные нашему читателю по прежним публикациям, считаю возможным опустить. Однако приведём несколько строк о том, как представляет автор эссе Николай Елпидифорович Парамонов в необычном для него предприятии.

«С 1907 г. Николай взялся за новое дело со всей серьёзностью, предприимчивостью и значительным размахом. Для планирования [работы новой шахты. — М. Т.] он обратился к учёному-горняку Александру Александровичу Скочинскому (1874—1960), который был примерно его возраста и только что получил должность профессора в Горном институте в Санкт-Петербурге» [1, с. 169]. Уточним, что А. А. Скочинский окончил институт (1900) с отличием и его имя было занесено на золотую доску почёта, что являлось тогда высшим отличием для выдающихся студентов, оканчивавших этот институт. 1901—1902 годы Александр Александрович провёл в зарубежных командировках (Германия, Бельгия, Франция, Австро-Венгрия), где посетил угольные, рудные и соляные шахты.

В 1903 году А. А. Скочинский создал лабораторию рудничной вентиляции и горноспасательного дела, а первый фундаментальный труд по вентиляции рудников появился в 1904 году [10]. Содружество Н. Е. Парамонова и А. А. Скочинского оказалось плодотворным [11].

Р.-М. Киль пишет: «В течение четырёх лет шахта превратилась в самую современную и глубокую в Донецком регионе. Николай назвал её «Елпидифор» в честь своего отца. <...> Собственная электростанция поставляла электроэнергию для откачки шахтной воды и работы намоточной башни. В непосредственной близости была построена подковная фабрика, продукция которой поставлялась в Донскую армию и на шахты, где использовалась конная тяга. В окрестностях предприятия были построены кирпичный, брикетный и химический заводы, которые работали на российскую армию во время Первой мировой войны. Как и его отец, Николай также был озабочен улучшением условий жизни своих рабочих и служащих. Он не только платил сравнительно высокие зарплаты, но и провёл водопровод, построил баню

(1915) и школу, которая существует и по сей день как Артёмовская школа. Здесь был универмаг, столовая на 400 мест, кинотеатр и библиотека. Были основаны даже касса взаимопомощи и общество защиты нравственности.

В последующие годы Николай с размахом расширил свою деятельность как углепромышленник. Только из этого можно сделать вывод о масштабах компании, которая, безусловно, предлагала работу нескольким сотням человек. Кроме этого было обеспечено подключение новых шахт к железнодорожной сети. <...> Все эти мероприятия Николая в значительной степени способствовали развитию местной угольной промышленности. <...> И по сей день в этих местах сохранилась добрая память о бывшем владельце предпринимателе Николае Е. Парамонове» [1, с. 169].

Грандиозные планы Н. Е. Парамонова на расширение производства разрушили революционные события 1917 года и Гражданская война. В главе, посвящённой этой теме, Р.-М. Киль приводит сведения как из каталога, так и немецких источников. «Здесь не место описывать ход Гражданской войны на Юге России во всех подробностях. Однако для того, чтобы классифицировать роль Николая Е. Парамонова в событиях того периода, необходимо представить его основные черты», — пишет Р.-М. Киль, приводя в качестве документальной поддержки работы американского историка Питера Кенеза [12], британского учёного Эвана Модсли [13], польского историка и философа Кристофера Лазарски [14], немецкого историка Карла Шлёгеля [15].

«Какова роль в этот период Николая Е. Парамонова? Он <...> предоставил свой собственный дом в распоряжение личного состава недавно сформированной Добровольческой армии. <...> О том, каких политических убеждений придерживался Н. Парамонов на самом деле, лучше всего говорит его недолгое пребывание на посту начальника отдела пропаганды Добровольческой армии. Это также разрешает ранее исключённое противоречие, которое, казалось бы, существует между социально критическим издателем, с одной стороны, и крупным бизнесменом Парамоновым — с другой» [1, с. 174–175].

ОСВАГ появился при дипломатическом отделе Добровольческой армии в 1918 году, являясь органом пропаганды и агитации, позднее несколько раз реорганизовывался. Главное управление ОСВАГа размещалось в Ростове-на-Дону по адресу ул. Садовая, дом 60 [16].

«В конце января 1919 г. новым руководителем [ОСВАГа] был назначен Николай Е. Парамонов.

Как самый видный представитель кадетов в казачьей области, с лучшими экономическими и политическими связями по всей стране, как заявленный противник архиконсервативных взглядов Краснова и, прежде всего, с его издательским опытом, Парамонов казался идеальным назначением для Деникина. Новый человек преследовал амбициозные планы и сразу же потребовал бюджет в 50 миллионов рублей на следующие три месяца [17]. Несмотря на то, что он получил только половину, ОСВАГ был в неплохом положении.

Однако решение Парамонова разместить свой офис не в Екатериногаре на Кубани, где в то время находился штаб Добровольческой армии, а в Ростове-на-Дону, имело серьёзные последствия. Здесь у него были печатные станки и лучшее техническое оснащение, и он мог бы продолжать участвовать в политической жизни Донского края. Но ему пришлось «выбивать» на это согласие своего политического оппонента Краснова. Краснов настоял на том, чтобы дать ему заместителя, и избрал для этой цели одного из своих сотрудников, который впоследствии больше мешал Парамонову, чем поддерживал его. Создание отдела пропаганды в Ростове имело ещё один существенный недостаток. Парамонов больше не находился в центре власти Добровольческой армии. Это уменьшило его влияние, привело к недоразумениям и позволило его противникам беспрепятственно подрывать его устремления.

Парамонов понимал, что деньги, реорганизация и использование технических средств не принесут успеха, если Добровольческая армия не будет готова радикально изменить некоторые из своих прежних действий.

<...> Ещё до начала своей работы в качестве руководителя отдела пропаганды, 4 января 1919 года он отправил генералу Ивану Павловичу Романовскому [18], начальнику штаба Добровольческой армии, отчёт, который был весьма своеобразным. Историк Гражданской войны Пётр Кенез охарактеризовал его следующими фразами, из которых явствует его восхищение кристально чистым и беспристрастным анализом ситуации Парамоновым: «Этот доклад, один из самых либеральных документов, подготовленных белым лидером во время войны, представлял собой убедительную критику существующей практики. В перспективе его можно читать как анализ причин окончательного провала Белого движения».

Добровольческая армия могла завоевать популярность только в том случае, если бы её офицерам удалось предотвратить мародёрство солдат и обеспечить достойное обращение с

населением. Затем он призвал к чёткой субординации. Подчинённые органы должны будут последовательно выполнять решения, принятые в штаб-квартире. Он также критиковал отсутствие чётко сформулированной политической программы. Без такой программы Добровольческой армии было бы невозможно заручиться поддержкой населения. Это позволяет оппонентам легко исказить цели Белого движения. Именно поэтому консервативные силы считают армию слишком далеко ушедшей влево, в то время как левые видят в ней лишь кучку реакционеров.

Сам Парамонов рекомендовал лево-ориентированную программу. Он хотел, чтобы Деникин изложил цели Русской армии — то есть антибольшевистских сил юга России — в декларации из пяти пунктов:

1. Российская армия борется за восстановление порядка.
2. Российская армия борется за создание условий, в которых народ может свободно выбирать форму правления.
3. Русская армия стремится к формированию подлинно представительного правительства и отвергает старую форму самодержавия и те ограничения, которые были наложены на дореволюционную Думу.
4. Российская армия хочет установить широкую автономию.
5. Российская армия считает необходимым проведение земельной реформы, трудового законодательства и других социальных реформ.

С этими сугубо политическими требованиями Парамонов вышел далеко за рамки, казалось бы, очевидных задач отдела пропаганды.

Он также сделал предложения для своего департамента, от которых у консерваторов, вероятно, «волосы встали дыбом». Поскольку он был заинтересован в сотрудничестве со всеми антибольшевистскими силами, он также хотел пригласить социалистов в ОСВАГ. Он потребовал, чтобы его подчинили непосредственно главнокомандующему армией, а не среднему начальству. Деникин также должен был обязать своих генералов не противоречить ему публично, тем самым внося путаницу. Кроме того, он должен был полностью дистанцироваться от царского режима и дореволюционной России. Деникин не был готов к этому и, вероятно, не мог этого сделать, учитывая его окружение, происхождение и убеждения. В конце концов, идеологические разногласия оказались слишком велики, чтобы сотрудничество продолжалось. Военные, с которыми ему и так было нелегко

прежде, не позволили Парамонову задавать, так сказать, политическое направление. Сам Парамонов, однако, не мог посвятить все свои силы ОСВАГу, так как был сильно вовлечён в политические события в Донской области после падения Краснова. В середине марта 1919 года, спустя всего шесть недель, он был вынужден уйти в отставку с поста главы отдела пропаганды. Первым официальным актом его преемника стало увольнение всех верных Парамонову людей, особенно социалистов и евреев» [1, с. 175–176].

События последующих нескольких месяцев развивались стремительно. По понятным причинам, большое семейство Парамоновых покинуло Ростов-на-Дону 19 декабря 1919 года, отправившись в эмиграцию, сначала в Константинополь, а затем в Берлин.

Н. Е. Парамонов. Берлин. 1939 г. (?).
Фото из личного архива Н. Вайса

В эссе самой объёмной оказалась глава «Русский эмигрант в Берлине», поэтому считаю возможным более подробно остановиться именно на ней.

Р.-М. Киль отмечает, что внимание немецких исследователей к истории русской эмиграции возникло только на рубеже 90-х годов XX столетия. В Берлине в 1988 году вышла антология «Русские в Берлине. 1918–1933: встреча двух культур», где уделяется внимание главным образом литературе и искусству, но более всего — искусству изобразительному. В меньшей степени затрагиваются вопросы политические

и экономические. Парамонов и его окружение не упоминаются вовсе, однако для понимания общей картины происходящего на окраинах Берлина, где в основном размещались русские эмигранты, данная работа очень познавательна. «*Никогда прежде и никогда после этого город за пределами России в нашем веке не играл такой важной роли для русского самопознания, как Берлин в 1920-е годы*», — пишет Фриц Миерау в предисловии к своему сборнику текстов «Русские в Берлине 1918 — 1933 гг.» [19, с. VIII].

Карл Шлёгелль обратил внимание на очень важный аспект того времени: «*Одним из самых поразительных достижений русской диаспоры в Берлине было создание издательской индустрии*» [20, с. 244]. Подчеркнём — индустрии! Известно, что наиболее продуктивными в этом плане был период с 1921 по 1924 годы.

Точное число берлинских издательств неизвестно: разные источники указывают разные цифры, от нескольких десятков, до нескольких сотен. В большинстве отечественных научных исследований фигурирует 86 издательств, опираясь в качестве источника на «Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г.», изданный Союзом русских издателей и книгопродавцев в Германии [21].

«*Готтфрид Кратц, — пишет Р.-М. Киль, — выявил в общей сложности 275 русских печатных и издательских компаний в Берлине за период с 1918 по 1941 год. Для 1923 г. он приводит данные о выпуске 7 000 наименований, хотя они не подтверждены*» [1, с. 177].

Книжные магазины при издательствах были одновременно и коммуникационными центрами русского Берлина. Эмигранты вспоминали родину, которую не хотели терять, размышляли и оправдывали свои поступки в предреволюционный период и в годы Гражданской войны, публиковали свои воспоминания. «*В Берлине собрались представители почти всех российских партий и групп интересов довоенного периода. Среди них были ведущие силы Конституционно-демократической партии, которая с 1920 по 1931 год издавала влиятельную газету "Руль"*» [22].

«*Можно предположить, что и Николай Е. Парамонов не оставался безучастным. Действительно, он может претендовать на особое место в истории крупнейшего русского издательства в Берлине в 1920-х годах. Речь идёт об издательстве "Слово", которое было основано в 1920 году как филиал издательства "Ульштейн" (Ullstein Verlag). Издательство "Слово" перешло в другие руки, как и сам "Ульштейн", после захвата власти нацистами и было ликвидировано в 1935 году*» [1, с. 178].

Название издательства имеет свою историю и, как и название вышеупомянутой газеты «Руль», восходит к так называемому кружку «Логос», который образовался в 1910 году в Санкт-Петербурге вокруг адвоката и публициста «Руля» Иосифа Владимировича Гессена [23]. «*Основные термины [названия издательств. — М. Т.] можно найти десять лет спустя в коммерческом регистре Берлина в главах трёх компаний: Slowo-Verlagsgesellschaft m.b.H., Zeitungsverlag «Rul» G.m.b.H. и Logos-Büchervertrieb A.-G. Не случайно Гессен возглавлял все три компании. Коммерческое лидерство, однако, принадлежало издательству "Ульштейн"*» [1, с. 178].

История издательства «Слово» была подробно описана Готтфридом Кратцем и не нуждается в повторении [24]. Первые финансовые трудности в издательстве возникли в 1922 году. Однако в октябре того же года Н. Е. Парамонов предложил внести в «Слово» 1 000 английских фунтов при условии, что его личное сотрудничество будет принято. Издательство согласилось, и Николай Парамонов стал партнёром с 25-процентной долей в издательской компании.

Но кратковременный расцвет издательства быстро закончился, несмотря на эти финансовые вливания. Надежды на экспорт книг в Россию оказались иллюзорными, а после валютной реформы 1923/24 года покупательная способность русских эмигрантов в Германии снизилась [25].

С момента основания издательства до 1924 года включительно библиографически может быть доказано в общей сложности 123 названия, за 1925 — 1928 годы — только 14, а с 1928-го до окончательного распада в 1934-м — только 10. Соперничество внутри русской группы и разногласия между группой и издательством «Ульштейн», безусловно, способствовали медленному упадку «Слова».

Первоначальный интерес Н. Е. Парамонова к «Слову» становится понятным, если охарактеризовать содержание продукции издательства. Самую многочисленную группу составили издания классиков русской литературы от Пушкина до Льва Толстого и Чехова. Но были опубликованы и произведения современных русских писателей, среди которых были эмигранты И. А. Бунин и, занимавший особое положение, В. В. Набоков.

Если в литературной программе «Слова» уже видны точки соприкосновения с бывшим издательством Н. Е. Парамонова «Донская речь», то в отношении исторических работ это ещё более актуально. Даже если они не приблизились

к количеству наименований литературных произведений, тем не менее оказали значительное влияние на профиль издательской продукции «Слова». Естественно, основное внимание было уделено новейшей истории России: революции 1905 года, Первой мировой войне, концу царской династии, революции 1917 года и Гражданской войне. «...*Ответственным редактором некоторых изданий был сам Н. Парамонов*» [26]. Он редактировал исторические монографии бывшего помощника начальника Военного управления ВСЮР генерала Юрия Данилова [27], бывшего судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда Николая Соколова, расследовавшего обстоятельства гибели царской семьи [28]. При Н. Парамонове в издательстве «Слово» были изданы письма царицы Александры Фёдоровны императору Николаю II в переводе с английского В. Д. Набокова [29], дневник последнего российского императора [30], «Очерки русской смуты» А. И. Деникина (3–4 тт.) [31], а также несколько первых томов «Архива русской революции» под редакцией И. В. Гессена.

Сохранившиеся отзывы Николая Елпидифоровича Парамонова на рукописях, поступавших в издательство «Слово», говорят о том, что *«он был опытным редактором, знающим, как говорить со своими авторами»* [26].

Николай Парамонов в 1925 году покинул издательство «Слово» и ушёл из АО «Логос». Точные обстоятельства разрыва отношений с основателем издательства неизвестны. И. В. Гессен покинул Германию в 1936 году, перебравшись в США через Францию, где и скончался в Нью-Йорке в 1943 году.

В берлинских адресных книгах того времени Н. Е. Парамонов фигурирует как «владелец дома», позже — как «крупный торговец» [32]. В воспоминаниях семьи Гессен, — с удивлением сообщает Г. Кратц, — Н. Е. Парамонов упоминается лишь вскользь как владелец больших гаражей. Сейчас сложно объяснить, что послужило охлаждению отношений двух давних соратников по книгоиздательским предприятиям, во всяком случае, в 1930 году, по случаю десятилетия газеты «Руль», И. В. Гессен получил поздравительную телеграмму от Н. Е. Парамонова, в которой тот ссылался на их старые общие идеалы (сведения из личной беседы с Г. Кратцем. — М. Т.)

Но, вернемся к эссе Р.-М. Килья, тем более, что один из последних разделов его очерка даёт нам много новой информации о бытовании семьи Парамоновых в Байройте.

По совету врача в связи с начавшимися возрастными проблемами со здоровьем, в 1943 году

Николай Елпидифорович Парамонов вместе с женой покинули Берлин и переехали в Карлсбад (Карловы Вары). До 26 июня 1945 года они жили по адресу Рихард-Вагнер-штрассе, 26. Анна Игнатьевна работала учительницей в Карлсбаде.

Незадолго до окончания войны их сыновья Николай и Елпидифор, дочь Анна и другие члены семьи Парамоновых также переехали из Берлина в Карлсбад. Остаться в городе-курорте надолго они не планировали. Местом переезда семья определила Байройт. *«Почему они переехали именно в Байройт, остаётся неразрешимой загадкой. Какие-либо ранние связи с городом Вагнера неизвестны»*, — пишет Р.-М. Киль [1, с. 183]. Первым из Карлсбада прибыл старший сын Парамонова — Николай Николаевич, 21 мая 1945 года. Инженеру предоставили жильё на улице Генриха Шютца, № 7, которая всего за несколько дней до этого получила это название, действующее до сих пор [33]. Спустя две недели после прибытия, 2 июня 1945-го, Николай женился на Ирен Кусмихофф. Таким образом она упомянута в документах городского архива Байройта, а также в архиве Арольсена [34]. Опросные листы, оформляемые в полиции при обязательной регистрации по прибытии в город, разъясняют: *«молодая разведённая женщина, девичья фамилия — Kousmichoff. Родилась в Петербурге 21 февраля 1915 года, по профессии — бухгалтер (Kontoristin). Постоянное место жительства — Карловы Вары. Военные годы провела в Берлине. В Байройт приехала 20 мая 1945 года»* [35].

Она была зарегистрирована по адресу Генрих-Шютц-штрассе, 12. Через некоторое время молодая пара получила квартиру по адресу Кульмбахер-штрассе, 68. По крайней мере, именно этот адрес указал Николай Николаевич Парамонов, когда 11 января 1946 года подавал заявление на получение водительских прав.

Сам Николай Елпидифорович Парамонов с женой Анной Игнатьевной приехали в Байройт только 20 июля 1945 года из Мариенбада, где находились с 26 июня по 18 июля. Официальное прибытие в Байройт датировано 4 августа. Своё первое жильё они арендовали на Леопольдштрассе, 11 (у Кейма), затем ещё несколько раз меняли местожительство. С июля 1946-го местом их постоянного проживания стал дом по Гумбольдтштрассе, 3, который также указан в реестре жителей Байройта за 1950-е годы.

Вместе с четой Парамоновых приехала Лидия Александровна Парамонова, вдова старшего брата Н. Е. Парамонова Петра, а немного

Дом Парамоновых в Байройте.
Фото Николая Вайса

позднее она поселилась в отдельной квартире на Вёльфельштрассе, 6 [36].

В конце июля 1945 года в Байройт прибыл и второй сын Н. Е. Парамонова, дипломированный инженер Елпидифор Николаевич Парамонов. Вместе с ним приехала Людмила Ивановна Колосова (урождённая Колосовайте) с двумя дочками, которая в документах упоминается как «Людмила Парамонова, разведённая Штенгель» [37].

Лишь 29 мая 1948 года Елпидифор Николаевич Парамонов узаконил свои отношения с Людмилой, когда их совместной дочери было уже почти четыре года. Много лет спустя, в своём последнем письме (17 июля 2003 года) авторам каталога, Елпидифор вспоминал, что его родители переехали в частную квартиру, а сам он с семьёй до 1949 года жил в лагере по адресу Антон-Брукнер-штрассе, 26. «Но как совместить эту информацию с адресом "Anton-Bruckner-Straße, 26", — задаётся вопросом Р.-М. Киль, — который совсем не похож на лагерь?

Западная часть улицы Антон-Брукнер-штрассе уже была застроена в 1945 г., территория к востоку всё ещё оставалась заброшенной. Однако на этой незастроенной земле уже во время войны были построены бараки и временные дома для разбомбленных и

эвакуированных семей. Некоторые из этих временных зданий были заняты перемещёнными лицами в ближайший послевоенный период. Сохранился эскиз плана, на котором видны как временные здания, так и запланированная последующая застройка, которая началась примерно с 1950 года. Временные дома вдоль проектируемой восточной половины улицы Антон-Брукнер-штрассе имеют порядковый номер. На одном из них действительно написано число 26 — жильё Елпидифора и его семьи» [1, с. 185].

Так случилось, что тёща Р.-М. Килья, переехав из Берлина в Байройт в 1944 году, тоже поселилась во временном жилище на Антон-Брукнер-штрассе, где прожила с детьми до 1953 года. Приведём небольшой фрагмент из семейных воспоминаний Р.-М. Килья, иллюстрирующий быт вынужденных переселенцев в послевоенный период.

«Временный дом, в котором жила моя тёща со своими тремя детьми, представлял собой деревянное одноэтажное здание без подвала с тремя маленькими комнатами. Входная зона, которая также служила кухней, вела в небольшую гостиную, а из неё — в прилегающую спальню. Только гостиная отапливалась угольной печью, если уголь был доступен. Горячие блюда готовились на газовой плите. Воду нужно было набрать в ведро из колонки, которой пользовались все остальные обитатели по периметру стоящих зданий. <...> Чтобы облегчиться, рядом с самодельными домами люди копали ямы и строили над ними шалаши, чтобы защититься от ветра, непогоды и посторонних глаз. Однако по сравнению с глиняными бараками, служившими жильём для нескольких семей, самодельные дома были всё же удобными, поскольку в них одновременно жила только одна семья, а на небольшом участке земли вокруг маленького домика ловкие руки могли выращивать картофель и зелень, чтобы обогатить скудный рацион.

Дом по улице Антона Брукнера, 26, в котором проживал Елпидифор Николаевич Парамонов со своей семьёй, скорее всего, был самодельным жилищем описанного типа. Поэтому воспоминания Елпидифора о жизни в лагере не были обманом. Необходимо только иметь в виду, что «Лагерь» означал не закрытое помещение, окружённое забором или даже колючей проволокой, а территорию с конгломератом бараков и самодельных домов. Всего в нескольких шагах от жилья Елпидифора находился временный дом, в котором жила семья моей будущей тёщи — Кунигунды Деттмерс. В этом районе улицы были обозначены только буквами. Её временный дом

находился на улице П и носил номер 4. Когда в начале 2000-х годов тёща узнала о моих исследованиях Парамонова, выяснилось — какое совпадение! — она не только жила в районе улицы Антона Брукнера, но даже лично знала семью Елпидифора. Они могли встречаться у водопроводных колонок, в центральной прачечной для жителей лагеря или во время походов по магазинам. Моя тёща хорошо помнила, что жена Елпидифора была певицей. Она также запомнила имена их детей (Лилли и Марина Штенгель). Прежде всего, она помнила, что Елпидифор был не только элегантным и симпатичным мужчиной, но и человеком лучших манер и изысканной вежливости» [1, с. 185 — 186].

Официальной датой приезда дочери Николая Елпидифоровича Парамонова Анны значится 5 октября 1945 года, хотя известно, что приехала она через день после родителей — 21 июля. Документы городского архива Байройта подтверждают пребывание Анны в Карловых Варах в военные годы и сообщают, что работала она

портнихой и моделью. В конце 1946 года Анна зарегистрировалась на Гумбольдтштрассе, 14, что совсем недалеко от Гумбольдтштрассе, 3, куда переехали родители. Как и в Карлсбаде, Анна продолжала заниматься своей профессией и работала для UNRRA (Администрация помощи и реабилитации Объединённых Наций) в «портновской мастерской на Леопольдасерне».

Ранее утверждалось, что замужем за Дм. В. Константиновым она была с 1944 года (по воспоминаниям самого Дм. В. Константинова), однако в регистрационных документах городского архива Байройта датой регистрации отношений этой пары значится 22 февраля 1947 года, что на наш взгляд является достоверным фактом [38]. Известно, что Николай Елпидифорович Парамонов противился этим отношениям, считая предполагаемого зятя недостойной парой для своей дочери, в связи с сотрудничеством Дм. В. Константинова с РОА [39].

Неизвестно также, когда Агния Резанова, сестра Н.Е. Парамонова, приехала в Байройт.

Парамоновы. Берлин, середина 1920-х гг. Фото из личного архива Н. Вайса. Публикуется впервые.
Первый ряд (слева направо): Анна (дочь Н.Е.Парамонова), Агния Елпидифоровна Парамонова (в замужестве Резанова), Любовь Елпидифоровна Парамонова (в замужестве Панченко), Елпидифор Николаевич Парамонов (сын Н.Е.Парамонова);
Второй ряд (слева направо): Наталия Семёновна Аничкова (урожд. Панченко, дочь Любви Елпидифоровны), Борис Семёнович Панченко (сын Любви Елпидифоровны), Анна Игнатъевна Парамонова (урожд. Царда), Лидия Александровна Парамонова (урожд. Ширяева, жена П.Е.Парамонова), Петр Елпидифорович Парамонов, Николай Николаевич Парамонов (сын Н.Е.Парамонова), Николай Елпидифорович Парамонов, Василий Михайлович Резанов (муж Агнии Елпидифоровны).

Её муж, Василий Михайлович Резанов, умер 21 февраля 1937 года и был похоронен на русском кладбище в Берлине (Тегель), где в могильном регистре записано, что он был очень популярен в кругу русских эмигрантов Берлина и сделал себе имя благодаря музыкальным и литературным вечерам в своей частной квартире. Согласно архивным материалам Байройта, постоянным местом жительства Агнии до войны был Париж, где жила её младшая дочь Мария [40]. Во время войны она проживала в Берлине, а в 1945 году вместе со старшей дочерью Ольгой [41] и её мужем Борисом Сахаровым переехала в Байройт.

Через полгода после окончания войны большая семья Парамоновых обрела новый дом в Байройте. Глава семьи Николай Елпидифорович Парамонов, теперь уже семидесятилетний человек, освободившись от переживаний за территориальную «разбросанность» своих близких, задумал новое издательское дело. Он опять, как и в 1903 году, начал издавать «книжки для народа» — издания, предназначенные для десятков тысяч соотечественников, оказавшихся на территории Австрии и Германии в лагерях для перемещённых лиц (Ди-Пи).

Приступив к издательской деятельности, Н. Е. Парамонов, по свидетельству участника тех событий Р. В. Полчанинова, обратился в НТС с просьбой о помощи с распространением своих изданий: «Работая в то время в "Посеве" я видел это письмо и знаю, что представители "Посева" в разных Ди-Пи лагерях распространяли одновременно и книги Н. Парамонова. Ни в немецких магазинах, ни в украинском лагере в Байройте книги Н. Парамонова не продавались. В украинских лагерях, как мне писал Николай Мамонтов "Бандеровцы не раз нападали на кольпортеров, развозивших по Ди-Пи лагерям газеты и литературу, отбирали её, жгли. Причём не только русские или польские, но и украинские, противоречащие идеям Степана Бандеры"» [42].

Издательская компания «Книжный магазин русской и зарубежной литературы», располагавшаяся в доме Николая Парамонова в Байройте по Гумбольдтштрассе, 3, довольно подробно описана как в Каталоге, так и в отдельных публикациях [43], чем собственно и воспользовался Р.-М. Киль в своей работе. Добавим лишь небольшой фрагмент для общего представления издательской деятельности Н. Е. Парамонова в эмиграции.

Издание книг в Байройте началось в 1946 году, но официально Н. Е. Парамонов зарегистрировал свой книжный бизнес только два года спустя. «Согласно картотеке городского

архива, регистрация "торговой точки по продаже литературы на иностранных языках, газет и книг, а также библиотеки-читальни" датирована 19 апреля 1948 года. Кроме Парамонова, в качестве владельца фигурирует польский дипломированный инженер Иван Пивоваров. <...> Библиотека была расположена на Jean-Paul-Strasse, Behelfsheim, 2, у Piwowarow. Однако сотрудничество между ними не могло продолжаться долго, поскольку 3 февраля 1949 года Пивоваров переехал в Лайнек. Согласно грутому рукописному добавлению, он "эмигрировал". Сам бизнес был официально снят с регистрации 23 декабря 1952 года уже после смерти Николая Е. Парамонова.

Основная направленность байройтской издательской продукции Николая Е. Парамонова по содержанию явно лежит в области изящной словесности. <...> Подбор авторов в значительной степени соответствует прежним издательским программам "Донской речи" или "Слова", но сразу бросается в глаза полное отсутствие социально критических, исторических и политических работ. Единственным исключением является "Дневник" графа Галеаццо Чиано ди Кортеллаццо (1903–1944), зятя Бенито Муссолини (1883–1945) и министра иностранных дел фашистской Италии с 1936 по 1943 гг. Остаётся неясным, почему Парамонов выбрал именно этот взрывной текст современной истории для печати. Возможно, ему настоятельно рекомендовали это сделать оккупационные власти? По крайней мере, это объясняет, почему он добавил предисловие американского издания к своей публикации», — пишет Р.-М. Киль [1, с. 189].

Среди многочисленных кустарных изданий для лагерей Ди-Пи, в большинстве своём печатавшихся на ротаторе, издания Н. Е. Парамонова выгодно отличались качеством типографского исполнения. Появление русских книг, открыток с родными мотивами и текстами встретили положительный отклик среди русских эмигрантов и перемещённых лиц в лагерях Байройта.

Неизвестно, сколь долго бы издавал Н. Е. Парамонов книги в Байройте, если бы не пошатнувшееся здоровье. Отчасти это было связано с переживаниями за своих близких, ведь далеко не все члены большой семьи Парамоновых хотели провести остаток жизни в Байройте. Первой «выпорхнула» любимица Николая Парамонова дочь Анна. 18 августа 1948 года вместе с мужем она переехала в лагерь Ди-Пи в Регенсбурге, затем оба эмигрировали в Аргентину в 1949 году [44].

Сын Елпидифор с женой и дочками — Лилли и Мариной — перебрались в лагерь

Вендельхёфен (один из районов Байройта) 1 марта 1949 года, а оттуда переехали в Мюнхен. В 1951-м отправились в США. В Америке Елпидифор Николаевич Парамонов был успешен как изобретатель, реализовав свои научные пристрастия и способности. Основная специализация — изобретение машин для производства алюминиевых банок для напитков. Имел патенты на свои изобретения [45].

В 1949 году Лидия Парамонова, вдова старшего брата Николая Елпидифоровича Парамонова, переехала в Париж [46].

Николай Парамонов умер в городской больнице 21 июня 1951 года. «Тщетно искать некролог в "Bayreuther Tageblatt" и "Fränkische Presse". Даже "Standesamtliche Nachrichten" ["Зарс-новости"], которые печатались в обеих газетах, не сообщили о кончине Парамонова. Только в разделе "Гражданские новости" официального бюллетеня города Байройта в № 25 от 6 июля 1951 года можно узнать, что "Nikolai Paramonoff, Kaufmann" verstorben sei" ("Николай Параммонофф [именно так!], купец" скончался)», — сообщила Р.-М. Кильо сотрудник городского архива Байройта Кристина Бартоломеус [1, с. 191].

Всего через несколько месяцев после смерти Николая Елпидифоровича Парамонова его вдова Анна Игнатьевна покинула Байройт. 21 ноября 1951 года она снялась с регистрационного учета во Франкфурте-на-Майне, а оттуда эмигрировала в Аргентину, чтобы жить с дочерью Анной и зятем Дм. В. Константиновым. Позже переехала с ними в США, но постоянным местом жительства выбрала семью своего сына Елпидифора [47].

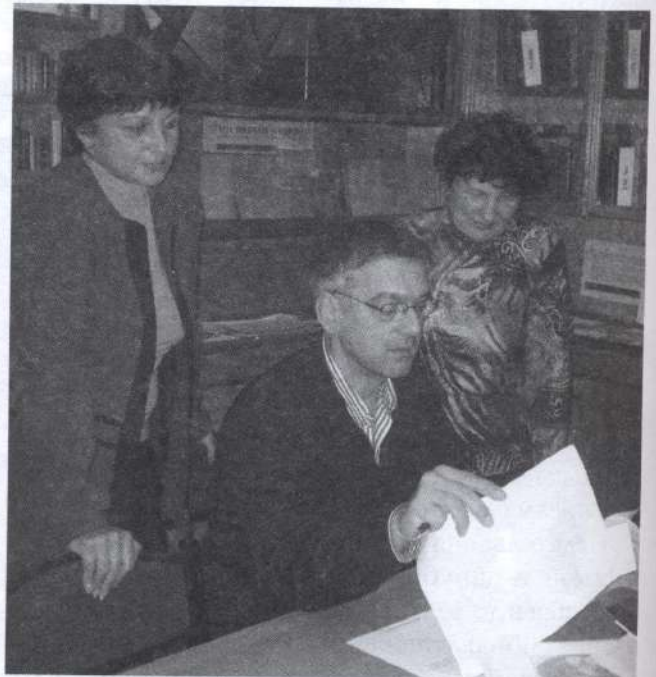
Агния Резанова до конца своих дней жила в Байройте. Там же оставались её дочь Ольга и зять Борис Сахаров [48].

Старший сын Н. Е. Парамонова Николай после отъезда сестры помогал отцу в его издательской деятельности. Кроме того, с сентября 1949-го по октябрь 1951 года он работал в Международной организации по делам беженцев (IRO), пришедшей на смену UNRRA. Когда его отец умер, а мать через некоторое время покинула Байройт, Николай Николаевич Парамонов взял на себя управление родительским предприятием — так, по крайней мере, он указан в реестре жителей Байройта за 1953 год [1, с. 193]. В 1965 году Николай Николаевич снялся с регистрационного учета в Байройте и переехал в Берлин.

И тут важно одно небольшое уточнение Р.-М. Кильо о личной жизни старшего сына Н. Е. Парамонова: «Судя по всему, Николай был дважды женат и как минимум один раз разведён.

Н. Вайс, внук Н.Е. Парамонова, хранитель семейного архива. г. Байройт, 2012 г.

М. Н. Тарасова, Н. Вайс, С. В. Кошеверова в Зональной научной библиотеке ЮФУ. Октябрь 2010 г.
Фото Н. В. Антонченко

В документах городского архива не указано, когда его первая жена Ирэн Кусмичофф, на которой он женился в Байройте в 1945 году, покинула город. Однако точно известно, что она умерла 19 июля 1995 года в возрасте 80 лет в Клараме, городе близ Парижа, и нашла своё

последнее пристанище в *Cimetière du Parc*. Напротив, Ирина Парамонова, урождённая Янова, вторая жена Николая, похоронена на кладбище Тегель. Она родилась 12 июля 1907 года и умерла 27 сентября 1992 года в Берлине. Только видимо, Николай Вайс (1958 г. р.), прямой потомок Парамоновых, и сегодня живёт в Байройте. Он происходит от внебрачной связи своего отца Николая Н. Парамонова и, таким образом, является внуком Николая Е. Парамонова. Его мать, уроженка Москвы Таис Вайс (1919–1968), долгое время жила в странах Балтии, затем уехала в Германию и ещё во времена Германского рейха получила немецкое гражданство. После её ранней смерти (1968), маленький Николай, которому тогда было десять лет, был взят на воспитание старшей сестрой матери, жившей в Байройте» [1, с. 194].

«Что в Байройте сегодня напоминает нам о некогда столь значимом русском издателе и предпринимателе, которого судьба занесла вместе с семьёй с не самого тихого Дона на чужбину?» — задаётся вопросом Р.-М. Киль. «В городском архиве хранятся неоднократно упоминавшиеся в статье дела с их скудными личными записями. Единственная брошюра его издательства «Донская речь» и две брошюры, напечатанные Элвангером после войны, влачат «тенивое» существование в стопках университетской библиотеки. В остальном, единственным напоминанием о Николае Е. Парамонове в Байройте является его простая могила на городском кладбище — отправная точка для настоящих размышлений и в то же время символ быстротечности власти и богатства и тщетности земных стремлений. Его внук Николай Вайс позаботился о том, чтобы могила сохранилась на долгие годы» [1, с. 195]. Николай Вайс (Николай Николаевич — младший) продлил пользование захоронением до 2031 года.

Сложно теперь сказать, как оценивал Николай Елпидифорович Парамонов ретроспективу своей жизни. Очевидно, что его прошлое объективно присутствовало в его настоящем.

Мы с благодарностью вспоминаем Светлану Владимировну Кошеверову (1937–2015), которая в середине 80-х годов прошлого столетия настойчиво и кропотливо начала заниматься исследованием издательской деятельности Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону, и к которой мы присоединились уже в 90-х.

Однажды она сказала: «Пора собирать камни!». И мы стали собирать разбросанное, «хранивших молчание — слова удостоить». Драгоценным источником для нас является её переписка с родственниками Н. Е. Парамонова,

послужившая началом «собрания» большой семьи. Как теперь мы понимаем, это нашло отклик не только в нашей стране, но и за рубежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kiel R.-M. Von Rostow nach Bayreuth: der Verleger und Unternehmer Nikolaj E. Paramonov (1876–1951) und seine Familie Sonderdruck aus Archiv für Geschichte von Oberfranken. Bd. 101 / Historischer Verein für Oberfranken. Bayreuth, 2021. S. 151–202.
2. Кошеверова С. В., Тарасова М. Н. Каталог издательства «Донская Речь» Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону / Рост. гос. ун-т, Зональная науч. б-ка, отд. редких изд. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Эверест, 2006. 330 с., [19] л. ил.
3. Stadtarchiv Bayreuth. Полочный знак 26089. № 114.
4. Stadtarchiv Bayreuth. Полочный знак 26105. № 169, 170, 176, 189/190 от 10 декабря 1946 г.
5. Stadtarchiv Bayreuth. Полочный знак 26105. № 225 от 15 августа 1946 г.
6. Автор эссе Р.-М. Киль ссылается на статью электронного ресурса «История российского предпринимательства»: <http://historybiz.ru/paramonov-elpidifor-trofimovich.html> (дата обращения 10.01.2021 г.)
7. См.: Корягин С. В. Киреевы и другие. М. : Русаки, 2005. С. 32 (Генеалогия и семейная история донского казачества; Вып. 54). [РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 615: Послужной список Александрина Н. Ф. за 1857 г.].
8. Цит. по: Корягин С. В. Алексеевы и другие. М., 2002. С. 9–10. (Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 29).
9. ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 609. Л. 29. В документах ГАРО фигурирует имя — Мефодий, в РГВИА — Нефёд. Стоит упомянуть, что в семье Александриных был Мефодий Фёдорович — внук Нефёда Фёдоровича Александрина.
10. Скочинский А. А. Рудничный воздух и основной закон движения его по выработкам. СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1904. VI, 203 с., 9 л. черт. : табл.
11. Сложно сказать долго ли находился А. А. Скочинский на Дону, однако на странице Музея угольной промышленности Дона (ныне не существует)

- утверждалось, что здание, в котором находился музей — особняк, построенный Н. Пармоновым для А. А. Скочинского. Николай Пармонов действительно строил отдельные дома с квартирами для инженерно-технических работников своих предприятий, однако утверждать, что это дом А. А. Скочинского является преувеличением. Там же было ложное утверждение, тиражируемое впоследствии другими источниками, о том, что горный инженер был зятем промышленника. К сожалению, музей сгорел дотла в результате пожара 2015 года и восстановлен уже не будет [URL: <https://citysee.ru/russia/yufo/rostovskaya-oblast/shahtyidostoprimechatelnosti-goroda.html#3>]. (дата обращения 20.07.2022 г.)
12. Кенез Питер (англ. Peter Kenez) (1937 г. р.) — профессор в Калифорнийском университете в Санта-Крузе (США). Докторскую степень защитил по истории России в Гарварде (научный руководитель — Ричард Пайпс). Его работы на англ. яз.: *Kenez P. Civil War in South Russia, 1919—1920: The Defeat of the Whites*. Berkeley: University of California Press, 1977; *Kenez P. Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army*. Berkeley: University of California Press, 1971. На рус. яз.: *Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917—1918 / Пер. с англ. К. А. Никифорова. М., 2007. 287 с.* (Россия в переломный момент истории); *Кенез П. Подлинная история Добровольческой армии. 1917—1918 / Пер. с англ. М., 2017. 320 с.*
 13. Модсли Эван (англ. Evan Mawdsley; р. 1945) — почётный профессор-исследователь Школы гуманитарных наук Университета Глазго (Великобритания). Работа, использованная Р.-М. Килем: *Mawdsley E. The Russian civil war*. Boston : Allen & Unwin, 1987. XVI, 351 p.
 14. Лазарски Кристофер (Кшиштоф Лазарский; р. 1953) — польский политолог, философ и историк, преподаватель факультета экономики и менеджмента Университет Лазарского в Варшаве. Цитируемый Р.-М. Килем фрагмент из ст.: *Белая пропаганда на Юге во время Гражданской войны в России, 1918—19 (период Алексева-Деникина) // Славянское и восточноевропейское обозрение, 70.4. 1992. С. 688—707. К. Лазарский кратко упоминает о Н. Е. Пармонове на с. 697.*
 15. Шлэгель Карл (нем. Karl Schlögel; р. 1948) — немецкий историк и публицист, преподаёт историю Восточной Европы в Европейском университете «Виадрина» во Франкфурте-на-Одере. Цитируемый труд К. Шлэгеля: *Berlin: <Stiefmutter unter den russischen Städten> // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von Karl Schlögel. München : Beck, 1994. S. 234—259.*
 16. Дом № 60 по Б. Садовой принадлежал на хичеванскому купцу Карпу Ивановичу Яблокову, а затем его наследникам (в настоящее время — дом № 42). URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPlaceArtText.aspx?pid=12&id=2792> (дата обращения 20.07.2022 г.)
 17. «Сумма, — уточняет Р.-М. Киль в примечании, — кажется несоразмерно большой по сравнению с 20 миллионами рублей, которыми Пармоновы и их торговая компания располагали в 1917 г. Однако с тех пор рубль подвергся инфляции» (1, с. 175, прим.74).
 18. Романовский Иван Павлович (1877—1920) — из дворян, сын офицера, генерал. Уроженец Луганска. Участник Первой мировой войны, Белого движения на Юге России, начальник штаба Добровольческой Армии (впоследствии — ВСЮР).
 19. *Russen in Berlin, 1918—1933 : Eine kulturelle Begegnung / Hrsg. von Fritz Mierau. Weinheim; Berlin : Quadriga, 1988. XIX, 611 s, [24] bl. il.*
 20. Schlögel Kl. Berlin : «Stiefmutter unter den russischen Städten» // *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München : Beck, 1994. S. 234—259.*
 21. Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г. / сост. М. П. Кадиш и В. А. Гольденберг; Изд. Союза. рус. издателей и книгопродавцев в Германии. Берлин, 1924. XVI, 211 с.
 22. Руль — ежедневная газета. Издавалась в Берлине (с 16 ноября 1920 — 14 октября 1931. № 1—3309). Типография — издательская фирма «Ульштейн и К°». Газета издавалась при участии И. В. Гессена, А. И. Каминки, В. Д. Набокова и была «зеркалом кадетского Берлина». Тираж составлял более 20 000 экз. К 1923 г. газету отправляли в 27 европейских стран, Америку, Азию, Африку и Австралию.
 23. Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943) — юрист, публицист, один из лидеров

- партии кадетов. В России издавал (вместе с В. Д. Набоковым и А. И. Каминкой) газеты «Речь» и «Право». В эмиграции — издатель (вместе с В. Д. Набоковым) газеты «Речь», глава издательства «Слово», председатель берлинского русского Союза писателей и журналистов. В 1921—1937 гг. издал 22-томный документальный сборник «Архив русской революции». Автор двух книг воспоминаний: «В двух веках: жизненный отчёт» (Берлин, 1937) и «Годы изгнания» (Париж, 1979).
24. *Кратц Г. Н. Е.* Парамонов и издательство «Слово» в Берлине // Библиотечное дело — 2003: гуманитарные и технолог. аспекты развития : Материалы 8-й междунар. науч. конф. (Москва, 24—25 апр. 2003 г.). М., 2003. С. 196—198; *Kratz G.* Der Berliner russische Verlag Slovo (1920—1935) = [Берлинское русское издательство «Слово» (1920—1935)] // Archiv fur Geschichte des Buchwesens = Архив истории книготорговли. Берлин; Нью-Йорк, 2009. С. 193—205); *Кратц Г.* Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине // Издательское дело российского зарубежья (XIX—XX вв.): [междунар. науч.-практ. конф.: сб.]. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 15—28; и др.
 25. *Скандура К.* Причины расцвета и упадка русского издательского дела в Берлине в 20-е годы // Русская эмиграция в Германии с 1918 по 1941 гг. / Изд. К. Шлёгеля. Берлин, 1995. С. 399—410. [Об издательстве «Слово»: с. 408—409].
 26. *Кратц Г. Н. Е.* Парамонов и издательство «Слово» в Берлине // Библиотечное дело — 2003: гуманитарные и технолог. аспекты развития : Материалы 8-й междунар. науч. конф. (Москва, 24—25 апр. 2003 г.). М., 2003. С. 197.
 27. *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914—1915 гг. Берлин : Слово, 1924. [4], 396, [4] с.
 28. *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. Берлин : Слово, 1925. [4], 297 с.: ил.
 29. Александра Фёдоровна (имп.; 1872—1918). Письма императрицы Александры Фёдоровны к императору Николаю II. Т. 1—2. / пер. с англ. В. Д. Набокова. Берлин : Слово, 1922. 641, [3]; 495, [2] с.
 30. Николай II (имп.; 1868—1918). Дневник императора Николая II: [1890—1906 гг.]. Берлин : Слово, 1923. 272, [3] с.
 31. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 3 : Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918 г. Берлин : Слово, 1924. 271, [5] с.; Т. 4 : Вооруженные силы Юга России. Берлин : Слово, 1925. 244, [3] с.
 32. *Kratz G.* Der Berliner russische Verlag Slovo (1920—1935) // Archiv fur Geschichte des Buchwesens Bd 64. Berlin-NewYork 2009. S. 200.
 33. Р.-М. Киль уточняет, что с 13.10.1938 по 10.05.1945 улица, расположенная в Городе-саде у подножия Зелёного холма, называлась Дитрих-Экарт-штрассе, ссылаясь на неопубликованную рукопись Франца Симона Мейера (Meyer, Franz Simon. Bayreuth, Straßennamen. Zusammenstellung bestehender und ehemaliger Straßennamen mit Benennungsterminen 2005, s. 7, 18.
 34. Arolsen Archives International center on Nazi Persecution. URL: https://collections.arolsen-archives.org/search/?s=irina_paramonoff
 35. «Хотелось бы ассоциировать Ирен Кусмичофф с теми Кузьмичёвыми, которые основали в 1867 году в Санкт-Петербурге чрезвычайно успешную чайную компанию, которая в 1917 году перенесла свою штаб-квартиру в Париж и — хотя и в других руках — существует до сих пор», — добавляет Р.-М. Киль [1, с. 183].
 36. Пётр Елпидифорович Парамонов и Лидия Александровна (урождённая Ширяева) с 1922 года жили в Берлине. Пётр умер 7 марта 1940 года и был похоронен как «купец 1-й гильдии из Ростова-на-Дону» на русском кладбище в Берлине-Тегеле.
 37. Парамонова Людмила Ивановна (урождённая Колосовайте) родилась 23 февраля 1909 года в уездном городе Остров Псковской губернии. Была замужем (с 19.10.1930) за Николаусом Штенгелем (г. р. 1901, Москва — умер 1972 г., Бад-Бергзаберне). В этом браке появилась дочь Лилли (Леонида) Штенгель (родилась 19 апреля 1932 г. в Берлине). Во время войны Людмила выступала как певица в Берлине. Вероятно, там же она познакомилась с Елпидифором Николаевичем. Он был отцом её второй дочери Марины, которая появилась на свет 20 февраля 1944 года вне брака, и записана в документах как Марина Штенгель.
 38. Брак 22.02.1947 г. задокументирован в: Standesamt Bayreuth, Heiratsregister 1947, № 66.

39. 27 апреля 1944 г. под станцией Кошары Ковельского района Волынской области Дмитрий Константинов попал в окружение, а затем в плен. В плену вступил в Русскую освободительную армию (РОА) генерала А. А. Власова, окончил школу пропагандистов РОА в Дабендорфе, в которой руководил издательством и типографией. Был военным священником РОА, в 1944–1945 гг. — настоятелем передвижного походного храма святого апостола Андрея Первозванного, находившегося вначале в Дабендорфе, а затем в Карлсбаде. В 1946 г. был арестован как «власовец» американскими оккупационными властями в городе Байройте, полгода находился в тюрьме, но избежал выдачи в СССР. В сентябре 1946 г. был освобождён. См.: *Константинов Дм., протоиерей. Записки военного священника. 3-е изд. СПб., 1994. С. 20.; Константинов Д. В. Через туннель 20-го столетия. М., 1997. 592 с. (Материалы к истории русской полит. эмиграции; Вып. 3).*
40. Мария Васильевна Чайковская (урождённая Резанова; 1900–1984) была замужем за Андреем Андреевичем Чайковским, дальним родственником знаменитого русского композитора.
41. Ольга Васильевна Сахарова (урождённая Резанова; 1897–1976) в первом браке — Маковская (муж Владимир Константинович Маковский (1883–1966)). Брак с Борисом Лазаревичем Сахаровым (1899–1959) зарегистрирован 26 января 1946 г. См.: Standesamt Bayreuth, Heiratsregister 1946, No. 40. В Einwohnerbuch за 1953 г. Борис Сахаров указан как судебный переводчик, в 1956 г. — как писатель. Ольга фигурирует в списке жителей на 1959 г. как вдова писателя.
42. *Полчанинов Р. В. Н. Е. Парамонов и «Донская речь» // За свободную Россию. 2007. № 88. Письмо Н. Мамонтова, на которое ссылается Р. В. Полчанинов находится в его личном архиве.*
43. *Кошеверова С. В., Тарасова М. Н. Указ. соч.; Тарасова М. Н. Из истории издательского дела Николая Парамонова в эмиграции: книги и открытки для лагерей ди-пи // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): [междунар. науч.-практ. конф. : сб.]. М. : Дом русского зарубежья, 2017. С. 168–180.; Кратц Г. Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине // Там же. С. 15–28; Полчанинов Р. В. Русское книгоиздательство в Германии в 1945–1951 гг. // Там же. С. 150–167; и др.*
44. В Буэнос-Айресе Дм. В. Константинов основал еженедельную газету, которую, вероятно, не случайно назвал «Слово», уже в 1950 г. переименовал в «Новое слово» и издавал до своего отъезда в Америку. Переехав в США, стал американским гражданином. Анна всегда оставалась рядом с ним до самой своей смерти 15 августа 1992 года. Дм. Константинов умер в Хайанниспорте 14 августа 2006 года в возрасте 98 лет. Сведения о кончине о. Димитрия Константинова мне сообщил Р. В. Полчанинов в письме от 30.08.2004 г. — М. Т.
45. Елпидифор Николаевич Парамонов умер 19 марта 2004 года в возрасте 94 лет в Сьерра-Мадре, округ Лос-Анджелес, штат Калифорния. На его надгробии фамилия написана как Paramonoff, но под ней мелким шрифтом сделана пометка Paramonov. Его жене Людмиле (Люси) Парамоновой было 96 лет, и она умерла 27 ноября 2005 года. Всего через несколько дней, 1 декабря 2005 года, скончалась Лилли (Леонида) Мэй (урождённая Штенгель), которая некоторое время жила в Канаде, но затем переехала в Сьерра-Мадре. Все трое похоронены на кладбище Sierra Madre Pioneer Cemetery. Русский крест украшает их могильные плиты. Кровная дочь Елпидифора Марина осталась незамужней. Сведений о её дальнейшей судьбе у нас нет.
46. Лидия Александровна Парамонова умерла в Париже в 1956 г. Однако похоронена вместе с мужем на русском кладбище в Берлине (Тегель). К сожалению, могильник был ликвидирован в 2015 г.
47. Анна Игнатьевна Парамонова (урождённая Царда) умерла в возрасте 89 лет 23 января 1972 г. и была похоронена в мемориальном парке Forest Lawn Memorial Park (Hollywood Hills) в Лос-Анджелесе, округ Лос-Анджелес, Калифорния, США.
48. Агния Елпидифоровна Резанова (урождённая Парамонова) умерла 28 апреля 1956 г. в Байройте. Борис Сахаров погиб в автокатастрофе в 1959 г. Его вдова Ольга Васильевна Сахарова (урождённая Резанова) в преклонном возрасте переехала в муниципальный дом престарелых Байройта (сегодня Hospitalstift)

на Листштрассе, 21, где и умерла 19 октября 1976 г. Останки всех троих были похоронены на городском кладбище в одной могиле, которая находилась недалеко от места упокоения Н. Е. Парамонова. В 2012 г. администрация кладбища расформировала могилу, т. к. срок пользования истек в 2011 г., а письмо администрации кладбища родственникам осталось без ответа. Сын Ольги — Георгий Маковский, эмигрировавший в США в 1951 г. и сделавший карьеру дипломата и государственного деятеля, не проявил интереса к своим предкам. Место захоронения было передано новым пользователям — Обществу классической йоги, которое заказало новый надгробный

камень, сохранив лишь имя Бориса Сахарова — последователя движения йоги и ученика Свами Шивананды [сообщение автору эссе Р.-М. Килю от госпожи Гётц-Маурер в 2017 г.].

Выражаю благодарность Райнеру-Марии Килю (г. Байройт, Германия) за интерес к яркому представителю русской эмиграции — Николаю Елпидифоровичу Парамонову и его семье; Николаю Вайсу, внуку Н. Е. Парамонова за предоставленные документы и фотографии; Надежде Васильевне Антонченко, главному библиотекарю ЗНБ ЮФУ, за неоценимую помощь в подготовке данного материала.

А. С. ЗАЙЦЕВА

СТЕПАНКОВСКИЕ В ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРОВСКА-ГРУШЕВСКОГО

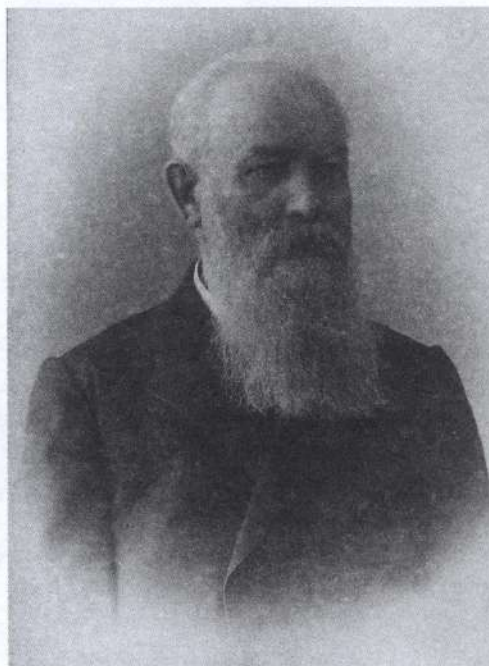
Среди жителей Александровска-Грушевского XIX — начала XX века, оставивших о себе память в истории города, — семья Степанковских.

Иван Иванович Степанковский (1844—1914) родился в Подольской губернии в потомственной дворянской семье выходцев из польской шляхты. Его родословная берёт начало от Северина Бухновского (из Бухнов), которому король Стефан Баторий в 1581 году пожаловал грамоту «на заселение села в грунтах с. Маниковец». Село получило имя Степанок и дало владельцам новую фамилию — Степанковские [1].

Иван Иванович Степанковский окончил Златопольское дворянское уездное училище, лицей князя А. А. Безбородко, физико-математический факультет Императорского Новороссийского университета. И. И. Степанковский проживал с семьёй в Одессе, когда его пригласили на должность управляющего рудником Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), который находился в окрестностях Александровска-Грушевского. Рудник был заложен в 1862 году и был одним из самых крупных и технически оснащённых в округе.

К своим обязанностям И. И. Степанковский приступил 15 сентября 1888 года [2, с. 41]. Первый год службы оказался нелёгким. Зимой выпало много снега, а весной резко потеплело, дожди и быстрое таяние снегов привели к обильным вешним водам. Многие рудники были

подтоплены. В рудник РОПиТ также поступало большое количество воды, с которой не справлялись насосы. Это привело к тому, что добыча угля снизилась. Дошло до того, что общество восполняло недостаток топлива дорогостоящим английским углём. Несмотря на это в следующем 1889 году РОПиТ подписал с Областным

И. И. Степанковский, управляющий рудником РОПиТ